

«МОЖНО ЛИ ОЖИДАТЬ ПЕРЕМЕН?»

Размышления Э.В. Соколова о состоянии общества
и перспективах его развития. (1980)

В моем архиве сохранился давний текст недавно ушедшего от нас замечательного петербургского социального философа (социолога, культуролога, антрополога, психолога – в узкодисциплинарных рамках ему всегда было тесно!), профессора Государственного университета культуры и искусства, заслуженного деятеля науки Российской Федерации **Эльмара Владимировича Соколова**.

Этот текст был подготовлен им не для печати (в ту пору представить это опубликованным в рамках «управляемой науки» было немислимо), а как свободное размышление «для уяснения самому себе» и в заочном диалоге с коллегами, в каком же обществе мы на самом деле живем и куда оно, это общество, движется.

Кто слушал вольнодумного (на любых кафедрах) лектора или общался с Эльмаром в дружеском кругу, наверняка слышал от него подобные идеи. Но могу предположить, что другого произведения Э.В. Соколова на эту опасную в то время тему не только не сохранилось, но и не было написано.

...В ту пору, в 1980 г., мы встречались не часто, но давнее знакомство и дружеское чувство обеспечивали абсолютное взаимное доверие. И когда я спросил Эльмара, не согласится ли он ответить на вопросы вот такой экспертно-прогностической анкеты (фокусированного интервью): **«Ожидаете ли вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)»**, – он не только согласился, но даже загорелся. Эльмар предпочел тогда ответить письменно, а не устно, как это делало большинство наших собеседников (всего было опрошено 45 чел.)

Составителями методики были: историк М.Я. Гефтер (ныне покойный), экономист В.Л. Шейнис, писатель А.С. Соснин (ныне покойный), экономист Н.Я. Щусрова и я, социолог. Сами же выступали и в роли интервьюеров. Процедура пре-

дусматривалась строгая анонимность как авторов вопросника, так и респондентов (экспертов).

Эльмар избрал себе тогда псевдоним «Дикобраз». И отчасти благодаря этому спонтанному «автопрозвищу», а также благодаря не скучным, но развернутым ответам на большинство вопросов плюс эльмаровский «почерк мысли», мне потом не составило труда его экспертный лист среди других распознать.

10 лет спустя, уже на излете «перестройки», в издании Института социологии АН СССР, малым тиражом, вышел ротاپринтный сборник **Ожидали ли перемен? (из материалов экспертного опроса рубежа 1970–1980-х гг.)** [1]. Туда вошел и текст Эльмара, но анонимно (экспертный лист № 37).

В недавно вышедшей книге автора этих строк «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003) приводятся программные документы этого андерграундного изыскания времен «расцвета застоя», описано, как оно готовилось и проводилось и что за тем последовало. Там же названы имена всех тех участников опроса, кого мне удалось 20 лет спустя разыскать.

Для удобства читательского восприятия в настоящей публикации объединены вопросы из сценария беседы и ответы Эльмара Соколова*.

Андрей Алексеев

ОЖИДАЕТЕ ЛИ ВЫ ПЕРЕМЕН? (Приглашение к беседе и раздумью)

Уважаемый друг, товарищ, коллега!

Перед Вами план беседы с вопросами, которые нам хотелось, с Вашего разрешения, задать Вам и которые, возможно, Вы не раз задавали себе и сами. Мы постарались сформулировать их с той степенью определенности, которая оказалась нам доступна, однако хорошо понимаем, что эти вопросы способны скорее подтолкнуть к дальнейшему раздумью, чем вызвать законченные, готовые ответы. К такому раздумью вслух Вас и приглашаем.

Недостаток возможностей откровенного и делового, коллективного обсуждения этих (и иных, не поддавшихся удовлетворительному формулированию) вопросов побуждает обратиться к, казалось бы, противоестественному приему заочной «мозговой атаки». Рассчитываем на понимание наших затруднений.

* Методика разрабатывалась в октябре–ноябре 1978 г. Опрос проводился в 1979–1981 гг. Текст Э.В. Соколова датирован мартом 1980 г. Вопросы 11, 19, 22, 23 здесь опущены, поскольку Э.С. оставил их без ответа. Полные тексты как самой методики, так и методологического комментария к ней см. в [2, с. 58–70].

Рекомендуем Вам сначала внимательно ознакомиться с планом беседы, чтобы определить свое отношение к настоящей работе.

Если согласитесь, Ваши ответы – импровизированные или заранее обдуманые – будут записаны интервьюером. Можно изложить свои соображения и письменно (по возможности, придерживаясь логики, заданной планом беседы). В таком случае интервьюер перепишет Ваш текст, с тем чтобы оригинал остался у Вас.

Если захотите, мы тем же путем сообщим Вам о совокупных результатах этой «мозговой атаки». К сожалению, не сможем только назвать имен остальных ее участников, так же как и Ваше имя останется известным лишь интервьюеру.

Итак, объяснив мотивы, цели и процедуру, приглашаем Вас к беседе и раздумью над нижеследующими откровенными вопросами.

1. Общая тенденция развития и мера устойчивости

1. Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития известного Вам общества за последние 10–15 лет:

– считаете ли Вы, что свойственные данному обществу (как и всякому другому) противоречия в конечном счете преодолеваются, встающие перед ним проблемы разрешаются или, напротив, происходит усугубление противоречий, накопление нерешенных проблем?

Общая тенденция развития. Преодолеваются ли противоречия?

Общая тенденция развития данного общества состоит в том, что противоречия, возникшие в результате «волевой перекройки» социума 60–40 лет назад, постепенно преодолеваются. Общество в целом приближается к тому образцу, который был замыслен его устроителями, хотя все еще очень далеко от него. Но кроме того, и это самое важное, достижение большего «гомеостаза» данного общества отнюдь не означает достижения гомеостаза в общесоциальном смысле, а тем более – приближения к оптимуму в смысле социально-экономического устройства, культуры и внешней политики. Дело в том, что сам образец, на который ориентировались и который пытались искусственным образом внедрить, был во многом утопичен, внутренне противоречив и плохо осознан.

2. Пожалуйста, поделитесь своими наблюдениями, позволяющими Вам сделать соответствующий вывод.

Чем можно подтвердить мысль об относительной реализации образца и разрешении противоречий?

– Общий рост социально-экономического потенциала, общего уровня культуры и образования, рост военной мощи, быстрая урбанизация, рост внешнеполитического престижа (за период 60 лет в целом).

– Невозможность в настоящее время гражданской войны (она была еще возможна в 1920–1930-е гг.), невозможность проводить массовый политический террор, «полулегальное» положение политической оппозиции в лице наиболее активных ее представителей, сильное ослабление тенденций «вождизма» и харизматического руководства в целом – с одной стороны, и усиление власти и значения аппарата управления – с другой.

– Выравнивание условий жизни на селе и в городе, ослабление ограничений на ведение личного хозяйства, более или менее адекватная оплата труда в сельском хозяйстве (существенный контраст с массовой смертью от голода в 1930-е годы в деревне, с отсутствием оплаты трудодня вплоть до середины 1950-х гг.).

– В общем относительно более равное участие (по сравнению с 1930–1950 гг.) в процессе управления и в распределении власти и авторитета «основных сил» общества (армия, партийный аппарат, органы госбезопасности, руководители промышленности и науки). Некоторое, хотя и слабое усиление роли профсоюзов, советов общественных просветительских организаций.

– Вероятно, значительное снижение в обществе в целом «пассионарности», как левого, так и правого толка, исчезновение убежденных и фанатичных марксистов и тем более убежденных и имеющих какую-то целостную платформу противников существующего строя (уничтожение их в лагерях, репрессивными методами и вместе с тем распад целостного политического сознания у наиболее трезво мыслящих, сохранивших какую-то гибкость ума).

– В общем, либерализация политического климата в целом (отсутствие жестких наказаний за незначительное опоздание на работу или «вынос» с производства или с поля государственной собственности – в этом отношении можно говорить даже о развале дисциплины, о значительном снижении требований к материально ответственным лицам), относительная свобода обсуждения политических проблем в частных квартирах, между знакомыми, отсутствие массового доношительства, свободный выезд из села, выезд за границу, печатание в зарубежных, в т. ч. эмигрантских изданиях...

– Значительное расширение, смягчение и обогащение всей идеологической сферы. Сегодня идеологическая сфера в целом не может контролироваться каким-то одним органом или учреждением и попытки навести в ней порядок предпринимаются лишь от случая к случаю правыми элементами, которые обычно вступают в конфликт с авторитетными учеными, художественной общественностью и поэтому довольно быстро заменяются более умеренными. Идеологическая сфера в целом терпимее и «проницаемее» по отношению к внешним культурным влияниям (западным и восточным), по отношению к религии, по отношению к науке (невозможность сегодня феноменов, подобных лысенковщине, гонению на генетику, кибернетику и т. п.), по отношению к «личной жизни», интимной и эмоциональной сфере, к сфере здравого смысла. Терпимость и проницаемость идеологии нельзя, конечно, преувеличивать. Речь идет в общем об ослаблении ее ведущих принципов, которые не могут более выполнять роль структурирующих и организующих перед лицом огромного увеличения фактов возрастания мощности и скорости информационных потоков, перед лицом огромной пестроты современного мира. Старое жесткое деление: материализм/идеализм; наука/религия; буржуазная идеология/пролетарская идеология; кто не с нами – тот против нас; реализм/абстракционизм и т. п. – все эти противопоставления не работают, фактически не используются в современной идеологической работе, хотя в торжественных случаях продолжают произноситься и в общем никакими другими, более адекватными и более реалистическими конструкциями не заменены.

3. Каким бы ни был Ваш ответ на первый вопрос, как Вы оцениваете нынешнее состояние данного общества с точки зрения его стабильности (устойчивости);

– считаете ли Вы это состояние скорее устойчивым (равновесным, инерционным) или, напротив, неустойчивым (несущим в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений)?

Как можно оценить состояние данного общества?

Хотя с точки зрения действия тех сил, которые играли роль в прошлом, современное общество представляется более равновесным, устойчивым и однородным, чем 50–60 лет назад, с точки зрения новых, зарождающихся в нем сил и новых, назревающих проблем, оно отнюдь не равновесно и серьезные общественные изменения в нем неизбежны.

Неустойчивость данного общества связана с накоплением новых (иногда это не новые, а старые, но в новом контексте) проблем следующего порядка:

– Главная проблема, вероятно, в том, что при существующем уровне сознания, при тех общих особенностях образа жизни, которые характерны для всех современных обществ (в эпоху урбанизации, НТР, рационализации, сохранения деления на частную и общественную жизнь и ряда других реалий, отличающих современные общества от, скажем, средневекового), существующая экономическая система, блокирующая всякую частную инициативу, ограничивающая экономическую инициативу на местах, настаивающая на жестком планировании, постоянно нарушающая «закон стоимости» и постоянно приносящая в жертву экономическую целесообразность соображениям политического престижа и политической стабильности, – эта система все более обнаруживает свою малую эффективность и неизлечимость с помощью частичных мер. Попытки реформ сверху, с целью расширения прав предприятий, большего участия рабочих в делах предприятия и т. п., контроль над управляющими органами снизу – все это почти не дало эффекта и было спущено на тормозах. В результате все более явственно выступают различные диспропорции экономической системы: несоответствие плана и его реализации; необеспеченность принимаемых плановых заданий человеческими, техническими, сырьевыми ресурсами; распыление капиталовложений; отсутствие надежных механизмов координации различных отраслей и предприятий и, как следствие, широкое развитие различного рода не предусмотренных законом полуполюгальных форм самообеспечения предприятий (накопление сверхнормативных запасов, «толкachi», использование личных связей и т. п.).

Итог в целом – низкая производительность труда. При имеющихся природных, сырьевых, людских, территориальных, интеллектуальных ресурсах производительность труда могла бы быть гораздо больше, а уровень жизни – гораздо выше. Если бы экономическая система и система хозяйствования была иной – тогда не было бы необходимости покупать зерно за границей (еще Столыгин обещал завоевать Европу с помощью экспорта русского хлеба и, вероятно, сделал бы это, если бы ему дали возможность провести его реформы). Не пришлось бы экспортировать за границу все сколько-нибудь ценные продукты для получения валюты (меха, икра, дорогие сорта рыбы, крабы, хлопок, лен, лучшие сорта вин и, вероятно, много других продуктов). Симптомы нерационального хозяйствования и падения производительности труда проявляются в последние 5–10 лет особенно ярко: сниже-

ние качества продукции (особенно продуктов питания), обеднение ассортимента товаров, повышение цен почти на все продукты (одним из следствий чего стало еще более несоразмерное ценообразование), очевидная дешевизна хлеба, картофеля в продаже (невыгода их производства и хранения — отсюда плохое качество картофеля и необходимость покупать хлеб за границей).

Перечень экономических противоречий системы можно было бы продолжить. Однако следствием этих противоречий нельзя считать существенное «недопотребление» (в материальном смысле). Напротив, общий уровень жизни все же достаточен и все необходимые продукты питания все же имеются. Население в целом имеет разные источники продуктов питания, и хотя на приобретение дефицитных продуктов (особенно мяса) нужно потратить время, их все же при усердии можно приобрести. Точно так же в силу потребности в рабочей силе есть возможность заработать деньги. Так что ни безработица, как на Западе, ни полное отсутствие важных продуктов питания, как в странах Африки или в недавнее время в Китае, или в Азии, нам пока что не грозит.

Более важное следствие неэффективности экономики не в том, что народ недодает, а в том, что его потребности не развиваются и это вредит экономике по закону обратной связи, и, вероятно, в том, что в ближайшем будущем мы увидим также признаки экономического, военного отставания от других (западных) обществ, а также от Китая. Это изменит соотношение сил на мировой арене, не даст возможности проводить намеченную политику (не касаемся здесь вопроса о дальнейших последствиях такого положения). В итоге, если иметь в виду более отдаленные последствия, возможно ослабление всего общественного организма, сползание с позиции великой державы, усиление центробежных тенденций внутри и т. п. (Хотя здесь возможны, видимо, и прямо противоположные последствия — усиление военного и политического давления внутри, ограничение свобод и т. п.).

— Второе важное противоречие, или «дефект» общества (ибо как противоречие это ощущается лишь незначительным меньшинством населения) — это отсутствие активного участия масс и общественных организаций в принятии политических решений, в управлении обществом в целом. Формальная процедура выборов, формальное участие депутатов в работе органов власти связаны и с отсутствием реальных прав, и с общим низким уровнем политической и правовой культуры. Лишь малое число людей чувствует странность такой процедуры выборов, когда избирать предлагается одного депутата, когда вычеркивание или вписывание другого никоим образом не меняет общего результата. Можно сказать, что политическое развитие народа искусственным образом сдерживается. Это — одна из причин многочисленных ошибок и волонтаризма в экономике и политике. Люди, берущие на себя ответственность за принятие кардинальных решений, в частности, связанных с распределением капиталовложений, с оказанием помощи тем или иным странам, с использованием природных ресурсов, — оказываются некомпетентны и не имеют представления о сколько-нибудь отдаленных последствиях решений (вырубка лесов, мелиорация и уничтожение болот, насаждение тех или иных культур, не оправдывающих себя, — кукуруза). Нет иного способа выработать правильное решение, как подвергнуть проблему всестороннему обсуждению с участием всех заинтересованных и компетентных людей. Но, вероятно, решение о том или ином распределении национального дохода по отраслям экономики, оказание помощи

слаборазвитым странам принимается «на глазок», после обсуждения лишь очень узким кругом высшего руководства и их секретариатом.

Однако и в области политического участия мы отнюдь не можем говорить о сколько-нибудь ярко выраженном недовольстве. Дело в том, что значительное число людей так или иначе принимает участие в руководстве и в определении политики на местах. Местная власть представлена достаточно большим числом лиц. Они пользуются своим положением, влиянием, чтобы иметь необходимые продукты, путевки, снабжают этим своих родственников и знакомых, имеют престиж, авторитет и гораздо большую власть и автономию, чем лица аналогичного положения в крупных городах и столицах. Для способных и ориентированных на карьеру молодых людей из народа продвижение вверх по политической лестнице также вполне возможно. Большинство же людей не имеют «вкуса» к участию в политической жизни и ориентированы почти полностью на быт, семью, обогащение (старшее поколение) или на развлечения, свободное общение (молодежь). Так что и в политической сфере напряжения нет.

— Третье важное противоречие. Несмотря на сказанное об известном «размягчении» идеологии, она все же ставит достаточно четкие границы культурному развитию. Здесь и насаждение устаревших, архаических «методов творчества» (реализм, борьба с самостоятельным творчеством), запрет на обсуждение и анализ многих проблем и сторон жизни в искусстве (например, при всей остроте и важности в психологическом и моральном смысле таких вопросов, как инакомыслие и диссидентство, положение евреев в Союзе, выезд за границу, массовые случаи невозвращения многих выдающихся деятелей культуры, — все эти проблемы не были сколько-нибудь серьезно проанализированы ни в одном произведении художественной литературы). Точно так же табуированы все проблемы, связанные с частной жизнью лиц, принадлежащих к высшему руководству. Решение конфликтов, осмысление человеческих отношений в искусстве, литературе по большей части примитивно, тенденциозно. Хотя это происходит не столько, может быть, в силу цензурных рогаток, сколько в силу малой культурности самих писателей и драматургов. Сама же их малая культурность идет от отсутствия школы, богатой художественной среды, уровня, иначе говоря — от того, что заторможен весь процесс художественного развития, а не потому, что не дают дороги конкретным талантам. Но при этом сами писатели и другие деятели искусства, поскольку они все же печатаются, издаются, в большинстве своем, видимо, удовлетворены, и среди них лишь несколько десятков людей чувствуют ограниченность свободы творчества.

Однако значительная часть интеллигенции все же осознает, что культура мертва, что она никоим образом не отражает реальных жизненных проблем, которые волнуют людей, не дает простора фантазии и воображению, ограничиваясь либо мелкой, поверхностной бытовщиной, либо тенденциозной, надуманной проблематикой, подсказанной конъюнктурными соображениями.

Еще более серьезным дефектом культуры является продолжающееся искажение истории. Сегодняшнее поколение, вероятно, если говорить о средней интеллигенции, отторгнуто от своего исторического прошлого в большей мере, чем какое-либо в прошлом. Период с 1905 г., революция, 1920–1930-е гг., сталинский террор, роль самого Сталина и его окружения, психология и этика сталинизма, ее корни,

ее отношение к социальным процессам, происходившим в стране — все это не осознано, не проанализировано. Отсюда противоречия идеологии, ощущаемые простым глазом и придающие какой-то неискренний фальшивый смысл даже вполне оправданным и верным утверждениям. Скажем, как можно искренне требовать наказания фашистов, виновных в военных преступлениях (ведь они уничтожали все же своих врагов, это хоть логично) и забывать о миллионах людей, уничтоженных во времена сталинского террора (это ведь были наши, «свои» люди, и их уничтожение никакой логикой не оправдывается).

Дефекты культуры, в частности, ограниченность и тенденциозность информирования становятся совершенно отчетливыми при сличении характера информации в западных странах и у нас. Бедность, тенденциозность и неоперативность информирования бросается в глаза. Моральное состояние интеллигента в общем таково, что он не чувствует себя в полной мере членом того общества, в котором живет. Ибо духовная среда — важнейшее для него — это не его и не им созданная среда, не отвечающая на его запросы. Однако и здесь можно сказать, что интеллигенция — незначительное меньшинство населения. Что же касается огромного большинства, то для них вполне удовлетворительной духовной пищей служит и не прочитанная еще классика (ведь большинство взрослого населения страны стало систематически читать книги лишь 10–15 лет назад. Книжный «голод» прекрасный и убедительный симптом).

— Четвертый дефект системы: возрастающая антикультура — пьянство, преступность. Пьянство во многом насаждается самим государством из экономических соображений и в общем функционально — в том смысле, что закрывает значительный «вакуум» в духовности, в системе жизненных ценностей. Так что, несмотря на все расчеты экономистов, обнаруживающие «невыгодность» алкоголя как средства покрытия платежеспособного спроса и возврата выплаченных денег — поскольку он вызывает травматизм, ухудшение здоровья и проч., пьянство все-таки выгодно. Что же касается таких издержек, как ухудшение генофонда, ослабление семьи и даже сокращение рождаемости, то они, несмотря на их очевидность для здравого смысла, никак не могут быть включены в «практическую калькуляцию». На деле об этом лишь говорят. Но не видно никакой общественной заботы даже о таком элементарном деле, как увеличение рождаемости, хотя, казалось бы, для общества это должно иметь первостепенное значение. Нет желания ни создавать брачные бюро, ни оказывать льготы работающим женщинам, хотя ясно, что без этих мер рождаемость не повысится.

Одной из причин пьянства и преступности (в наших условиях, ибо это явления международные, интернациональные и могут быть «ответом» на самые разнообразные дефекты общества) служит, вероятно, недостаток свободы самовыражения, недостаток возможностей для активного развития способностей. Экономическая и политическая системы открывают мало возможностей для широкой личной инициативы, требуют скорее конформного поведения. Однако это не главная причина пьянства, корни которого очень глубоки и очень разветвлены. Явления антикультуры, вообще говоря, не очень удивляют практически, ибо ни одному обществу еще не удалось от них избавиться, но они являются вызовом идеологии и тем утверждениям, которые функционируют для доказательства прогрессивности, просвещенности, передового характера системы.

— Пятый, в какой-то мере синтетический дефект. Есть ощущение какой-то лжи, искусственности в самых различных областях жизни, впечатление, что постоянно делаем не то, что говорим, продолжаем делать не то, что надо, врем, приписываем, подтасовываем, обманываем самих себя. И знаем, что обманываем, и продолжаем это делать. Трудно объяснить это достаточно ясно. Ложь гнездится где-то очень глубоко. Какие-то очень глубокие слои жизни искажены ложью.

Может быть, она началась еще до революции — при Петре с его реформами, при народниках с их террором, углубившим этот процесс «отпадения от истины»? А сама революция, сталинский террор — это уже как «расплата», как реакция на какой-то «грех» русского просвещения, за посягательство на основы, кои не человеком установлены и не им должны быть изменены.

Есть именно такое ощущение, что «Бесъ» Достоевского, что «дьяволыщина», изображенная Булгаковым в «Мастере и Маргарите», и сталинское правление — это как бы разные лица одного и того же человека, одной и той же силы, легко вторгшейся в брешь, в некую жизненную пустоту, возникшую в связи с тем, что русская интеллигенция односторонне направила все свои усилия на подкоп и так очень хилого и маломощного здания русской государственности и культуры («тонкий культурный слой», по Милкокову), вместо того, чтобы созидать и строить.

Итак, безотносительно к конкретным, практическим дефектам системы важен этот дефект — какая-то глубокая искаженность человеческого бытия, деформация личности.

Итак, ответ на вопрос 3: состояние и устойчиво, и неустойчиво — одновременно.

4. Если Вы считаете нынешнее состояние устойчивым при разрешающихся проблемах либо, напротив, неустойчивым при накоплении нерешенных проблем, это не вызывает дополнительных вопросов. Но если Вы нашли, что данное положение сохраняет стабильность, вопреки усугубляющимся противоречиям, то чем в таком случае Вы это объясняете?

Положение сохраняет стабильность вопреки усугубляющимся противоречиям? Да, это так, во многом. Но не следует забывать, что это противоречия скорее внешние. Внутри же особо острых противоречий нет, а есть относительное согласие, пригнанность частей целого. Пусть само это целое достаточно ущербно, уродливо, и внешне и внутренне, с непропорционально развитым военным комплексом и бюрократическим аппаратом, с каким-то перекошенным умом, сочетающим в себе мессианизм и самое грубое варварство, с тонким слоем духовности — но как целое оно все-таки достаточно сбалансированно. Имеется еще достаточно много внутренних ресурсов, резервов (сырье, люди, девственное, наивное сознание) для того, чтобы воспроизводить систему, воспроизводить и нынешние формы правления. Имея достаточную военно-экономическую мощь под руками, руководство может маневрировать, покрывая внутренние напряжения, смягчая их за счет контактов с Западом (покупки зерна, машин, ширпотреба), поддерживая свой относительный вес и авторитет внутри таким образом.

5. Усматриваете ли Вы какие-либо кризисные явления в современном общественном состоянии? Если да, то насколько широко они распространены?

ны? В случае широкого распространения, можно ли говорить о наступающем (наступившем) кризисе данного общества в целом?

Кризисных явлений в обществе не замечаю. Недостаток товаров ширпотреба и продовольствия — это еще не кризис. Инакомыслие (диссидентство) — это скорее симптом наконец-то появившегося хоть у немногих людей мужества и ответственности, гражданской самостоятельности мысли (пусть они даже не имеют четкой программы, ошибаются во многом). Возможно, важен факт самостоятельной политической позиции, и это — симптом здоровья, а не кризиса.

Политическое инакомыслие было везде и всегда. В Англии «оппозиция ее величества» всегда было конструктивной и творческой силой. Такой она была бы и у нас, будь у нас, русских, побольше культуры, терпимости и поменьше варварства, азиатчины, скрытого религиозного фанатизма, замаскированного под марксизм. Сейчас только люди начали частным образом свободно мыслить, внутренне во многом освободились от страха, от внутренней скованности. Старое поколение так и не освободилось, конечно. Но молодое изначально аполитично и внутренний моральный страх ему неизвестен.

Самыми тяжелыми ранами, которые общество нанесло само себе, были: разрушение естественной структуры деревни, отторжение людей от земли, физическое уничтожение наиболее трудолюбивой и способной части крестьянства, подрыв традиционных форм земледелия без адекватной замены научными формами; и второе — уничтожение интеллигенции. Обе эти раны до сих пор не зажили, но просто «куски мяса» кое-как срастаются, образуя некий бесформенный образ — все живое в конечном счете заживает раны, они зарастают, но прежний облик при этом далеко не всегда возрождается. То, что называют «кризисными» явлениями или что можно принять за таковые, — ослабление дисциплины, нежелание людей работать и проявлять какую-либо инициативу, полное безразличие большинства к общественным делам и благу общества, политическая пассивность — все это скорее симптомы «срастания» разорванных тканей. Теперь вопрос о том, будет ли этот сросшийся или срастающийся организм жить и дальше, насколько и в чем он дееспособен?

2. Перспектива: взгляд «изнутри»

6. Можно ли, по Вашему мнению, ожидать существенных (может быть, коренных?) перемен, сдвигов в жизни известного Вам общества в обозримый период (скажем, не позднее конца XX века)? Если да, то насколько вероятными представляются Вам эти изменения?

Ожидать коренных сдвигов не позднее конца XX века все-таки можно. 20 лет — это большое время, и изменения весьма вероятны.

7. В случае положительного ответа на предыдущий вопрос, полагаете ли Вы, что эти перемены будут скорее однонаправленными (тогда — к лучшему или к худшему?) или, напротив, разнонаправленными (например, сначала к одному, потом к другому)?

Если последнее, то считаете ли Вы возможным определить общее (результатирующее) направление ожидаемых Вами общественных изменений — в конечном итоге к лучшему или к худшему?

Желательно при этом пояснить свое понимание «лучшего» и (или) «худшего» в данном контексте.

К лучшему или худшему перемены? Это зависит от того, с чьей точки зрения судить. С точки зрения того «политического тела», в которое мы включены сегодня, может быть, и к худшему, но с точки зрения общечеловеческой и общи­сторической — для данного общества — перемены скорее будут к лучшему.

Для данного общества и в силу имманентных ему причин, и вследствие уже отмеченных противоречий, возможно:

— «сползание» с позиций великой державы и уменьшение военно-политического престижа перед лицом объединенных и многократно усилившихся Японии и Китая (китайские людские резервы и японская техника), а также, вероятно, с присоединившимися к ним Вьетнамом, Кореей — почти наверняка всю Юго-Восточную Азию в конце концов будет контролировать Китай. При этом в случае блокирования Китая с Западом процесс этот будет еще ускорен;

— возможно отделение ряда национальных республик — прибалтийских и среднеазиатских, хотя сомнительно, чтобы последним это было вполне на пользу — в силу их культурной и политической незрелости.

Это — к «худшему».

К лучшему — может быть изменение социально-экономической системы в сторону большего реализма, большей свободы частной инициативы, большей свободы для рынка.

Может быть и некоторая либерализация политической жизни, изменение порядка выборов, характера подбора кадров в парт- и госаппарат.

Хотя в качестве реакции на эти возможные тенденции движения «влево» возможны попытки возрождения тоталитаризма, подавления свободы. Однако я не вижу достаточных психо-идеологических сил, резервов для такого рода «сильной» политики.

«Сильная политика» 1930–1940-х гг. питалась пассионарностью коммунизма и инерцией великодержавной «единой и неделимой» России. Сейчас ни того, ни другого нет. Сильная политика возможна лишь на основе технократии, западного либерализма — а это значит, что будут сверху более энергично вестись попытки реформ аппарата и экономики в сторону большей рациональности, культурности, эффективности любой ценой, и конечно — ценой отказа от всякой мешающей идеологии.

К лучшему, думаю, и какое-то оживление и возрождение культуры — может быть, вне уже сложившихся форм, жестко контролируемых государством в рамках творческих и самодеятельных объединений, которые уже, в сущности, существуют (художники, писатели — «Метрополь», например). По тому же пути может легко пойти театр и, с несколько большим трудом, кино. Сложнее, конечно, для литературы и телевидения, в силу их глобальной аудитории.

Итак, результирующими, с точки зрения имманентных процессов, могут, скорее, быть перемены к «лучшему».

8. Если Вы не исключаете возможности существенных перемен в жизни данного общества («к лучшему» или «к худшему», в Вашем понимании), то ожидаете ли Вы скорее резких, крутых общественных изменений или, напротив, медленных, постепенных?

В ближайшие 7–10 лет перемены могут быть скорее медленными. Но через 10–15 лет вполне возможны «крутые».

9. Укажите, пожалуйста, те тенденции (обстоятельства, процессы) современной внутренней жизни, которые утверждают Вас в Вашем взгляде на перспективы развития данного общества в обозримый период (каков бы ни был этот взгляд).

К сказанному о тенденциях и противоречиях можно добавить еще следующее (касательно внутренней жизни). До сих пор поддержание системы с ее противоречиями, малой эффективностью было вполне возможно потому, что было много резервов: людских (деревня), и они еще полностью не исчерпаны; сырьевых, энергетических (природа), а также некультурность, неразвитость населения. Все эти резервы приходят к концу.

Далее, сегодня у руководства стоят люди с определенным типом сознания – весьма архаическим, многие из них просто очевидно малограмотны, кончали кое-как школы и с самого начала втянулись в политику, стали профессионалами. Сегодня кадры аппарата заполняются людьми в общем более образованными и технически грамотными, но с более поверхностным политическим сознанием.

– Воспитание детей и, соответственно, сознание взрослых – более богатое, более чувствительное к ограничениям свободы и самостоятельности, более гедонистическое и свободное по своим жизненным позициям. Отсюда большая уязвимость, если будут допущены резкие ограничения свободы, факты «давления», и возможны события, подобные студенческим волнениям конца 1960-х гг. в Европе.

– Важны также судьбы марксизма и господствующей идеологии вообще. Она представляет собой сложный сплав крестьянского традиционно-патриархального отношения к земле, народу, новшествам, искусству, морали. Крестьянский характер идеологии проявляется очень широко (хотя бы Хрущев с его отношением к искусству). Далее. Этот русский мессианиззм, национализм, идея «единой России» и стремление к экспансии на запад и восток, возможно, и оправданные с чисто политической или военной точки зрения. Тут есть явная преемственность от дореволюционного периода.

Третий компонент – марксизм. В общем архаическое, претенциозное учение, чуждое русскому духу и характеру, не оправдавшее себя в главнейших своих пунктах (нет революции в развитых странах; нет мировой революции; нет дальнейшего расслоения общества на классы; нет непреодолимости кризисов; жизнеспособность капитализма после потери колоний; с другой стороны – реализация или, вернее, попытки реализовать учение на практике обнаружили, сколь далеко находится то, что получилось, от теоретического образца: нет участия в политической жизни «каждой кухарки», нет равной оплаты чиновников, чиновники и аппарат превратились в особую касту и т. п.). Одним словом, именно в социально-политической сфере при попытке реализации марксизм себя не оправдал как идеальная программа.

Хотя, конечно, резкие и существенные сдвиги он произвел и вообще его взрывная сила велика, но направление взрыва не то, какое предполагалось.

Марксизм, как элемент или этап собственно социалистического мышления, представляет известную ценность. Но в России и через сто лет после смерти его основателей он очень архаичен. Ведь практически классиков никто не читает, кро-

ме студентов, которым надо сдавать экзамен. Однако марксизм все же служит не которым подобием ограничителя, когда движение мысли направляется по неудобному пути – ссылаются на марксизм. И в этом смысле он тормозит движение духовной культуры. Еще более сковывающее воздействие оказывает он на сферу культуры; несмотря на недовольство существующей духовной жизнью, несогласие с марксизмом, русская интеллигенция не выработала никакой сколько-нибудь цельной доктрины, программы, системы взглядов, что вполне понятно из-за ее раздробленности и втянутости в систему.

Но, возможно, и, вероятно, даже необходимо будет происходить переработка этой идеологии: крестьянский элемент исчезает, марксизм все более архаизируется, идеология национального единства, престижа, экспансии будет пересмотрена перед лицом все обостряющихся глобальных проблем, требующих согласованной мировой политики и разделения ответственности за судьбы мира между великими державами.

10. По возможности, систематизируйте сферы, области общественной жизни (выделив их по своему усмотрению в широчайшем диапазоне явлений публичной и частной жизни), в которых протекают указанные Вами процессы.

Как бы Вы расставили эти сферы по их значимости с точки зрения усматриваемых Вами перспектив развития данного общества?

Области жизни, в которых протекают указанные процессы, по порядку их значимости:

– качественное ослабление того сознания, которое скрепляло и цементировало общество, вопреки его внутренней неорганичности, неэффективности;

– ход процессов внутри экономики, обнаруживающих, с одной стороны, малую эффективность системы, приближение к исчерпанию многих резервов, на которых она держалась, [а с другой стороны. – А.А.], снижение ее конкурентоспособности с Западом в экономической сфере и сфере культуры и политики;

– воздействие внешних источников информации и точек зрения с Запада;

– усиление националистических настроений в республиках Азии и

Прибалтики. Можно предвидеть, что лет через 30–40 вопрос об их автономии будет поставлен. Сегодня выросла национальная интеллигенция, и в Азии она постепенно вытесняет с руководящих и идеологических постов русские кадры. Сначала это будет происходить мягко, потом активнее, и когда культура в целом будет управляться национальными кадрами, легко ожидать появления желания стать самостоятельными для таких крупных и сильных республик, как Казахстан, Узбекистан. Однако можно предвидеть и появление вражды между ними, желания взаимной аннексии и спора из-за территорий, что мы видим на арабском Востоке и в Африке. Режим внутри отсоединившихся республик также скорее всего будет авторитарный, с опорой на возрождаемые национальные традиции, а может быть даже и на ислам – по примеру Ближнего Востока, хотя бы сейчас это и казалось маловероятным.

Возможно, и это было бы, мне кажется, наиболее рациональным и перспективным, сохранение целостности Российской Федерации, ее сплочение на основе

единой общенациональной программы и более умеренных внешнеполитических претензий (пока что), и тогда возможно новое возрождение культуры, активизация экономики. И это – при сохранении дружеских и взаимовыгодных отношений с отсоединившимися азиатскими республиками и федеративной связи на равной основе.

Существенно, думаю, учесть некоторые «иррациональные» факторы. По существу, динамика социального процесса зависит от общего «энергетического потенциала» народа. В России этот потенциал был жестоким образом урезан: в 1917 г. и в Гражданской войне, в 1941–1945 гг. и во время сталинского террора. Лучшие, наиболее энергичные представители нации уничтожены. Пассионарность резко снижена. Если бы не было войны, нового взрыва пассионарности после 1917 г. можно было бы ожидать (если бы не было повторения террора 1930-х гг.). Для накопления нового заряда пассионарности нужно, наверное, два–три поколения, т. е. 50–70 лет. Поэтому к концу столетия такой заряд будет присутствовать и может быть направлен на те колеса, на ту мельницу, которая к тому времени будет построена в теоретическом смысле, в смысле возможного пути развития, хотя неизвестно, сколь плодотворен будет этот путь.

3. Мировой контекст

12. Какие внешние факторы (обстоятельства, тенденции, процессы) мировой жизни окажут, на Ваш взгляд, существенное влияние на развитие данного общества в обозримый период?

Факторы мировой жизни.

– В ближайшее время – образование обширных более или менее однородных политически и частично объединенных экономически «политических союзов, зон или содружеств»: Китай – во главе Восточной Азии; арабский, мусульманский мир; объединенная Европа; объединенная Латинская Америка и т. п.

Процесс формирования полицентрической политической системы с крупными, входящими в нее и конкурирующими, и сотрудничающими единицами будет происходить медленнее, если великие державы в той или иной форме договорятся и будут учитывать интересы друг друга, которые состоят в том, чтобы не допустить формирования и консолидации других подобных же политических сил (им, великим державам, выгоднее держать мир в состоянии политической раздробленности). Однако если (в силу, конечно, нашего или китайского упрямства) процесс мирного разделения ответственности между сверхдержавами будет замедлен и они сами будут находиться в состоянии холодной войны друг с другом, тогда процесс региональной консолидации политических сообществ будет идти быстрее.

Как бы то ни было, для нас главным фактором в ближайшее время будет усиление мощи и роли Китая.

– Второй фактор – разрядка, постепенное сближение США и СССР.

– Углубление экологического кризиса и потребность все в более широком круге согласованных программ.

– Усиление роли ООН маловероятно.

– Возрастание случаев нарушения существующей политической этики – захват заложников, взрывы бомб, подрывная пропаганда, политические убийства, воз-

можно, создание каких-то нелегальных полуполитических, полууголовных международных организаций типа итальянской мафии — этого можно ожидать.

13. Как бы Вы определили направление и силу (возможно, также формы) влияния указанных Вами внешних факторов на дальнейшее развитие известного Вам общества?

Общее воздействие внешних факторов должно повлечь за собой:

(1) стремление к военно-экономическому росту (хотя тут будут препятствия из-за неэффективности системы); (2) торможение процесса внутренней демократизации и освобождения культуры под предлогом необходимости консолидации и борьбы с внешней опасностью; (3) усиление престижных форм науки, культуры для демонстрации за рубежом, профессионального спорта и т. п.

14. Существуют различные точки зрения относительно перспектив движения данного общества в мировом «историческом пространстве».

Например:

— в главном и коренном это общество идет (будет идти) по самостоятельному пути, отличному от всех известных;

— данное общество тяготеет (рано или поздно стонет тяготеть) к какому-либо известному историческому образцу, варианту, типу развития (западному, восточному, иному);

— в исторической перспективе весь мир (или большая его часть) приобретет те же типологические черты, что и данное общество.

Возможны и другие взгляды. Какова Ваша собственная точка зрения на этот счет?

Вероятнее всего третий ответ — перед лицом общемировых проблем и общемирового контекста политической деятельности внешнеполитическое поведение различных стран и систем будет уравниваться. Это будет влиять и на внутреннюю политику также в смысле уравнивания методов и форм экономической организации, руководства, планирования, т. е. конвергенции. Если можно говорить о тяготении к западному или восточному типу, то хотелось бы верить, что к западному, и на это можно надеяться.

В принципе наиболее рациональной организацией мира для сегодняшнего момента было бы тесное и доверительное сотрудничество между сверхдержавами и их совместный контроль над политическими, демографическими, экологическими и экономическими процессами в мире, с целью недопущения слишком сильной консолидации, автаркии, нарушений экобаланса и т. п. Запрет продавать оружие кому-либо. Согласованное решение предоставлять помощь кому-либо. Общая борьба с международной уголовщиной. Совместные работы по преодолению экологического кризиса и вообще выделение максимума средств на развитие науки и культуры, с целью достичь в дальнейшем на этой основе новых целей, новых форм, новых идей, которые можно было бы положить в основу будущего стабильного миропорядка.

Соединение ресурсов США и СССР, оздоровление наших политических форм с помощью процедур и методов, выработанных в США, дало бы толчок политической жизни. С другой стороны, большие ресурсы духовного и экономического порядка были бы использованы разумно.

4. «Человеческий фактор» перемен: за и против

15. Каков бы ни был Ваш взгляд на ближайшее будущее данного общества, пожалуйста, укажите те общественные силы, которые Вы полагаете заинтересованными: а) в переменах «к лучшему» (в Вашем понимании); б) в сохранении (воспроизведении) нынешнего общественного состояния; в) в переменах «к худшему» (в Вашем понимании)?

Просим также дать здесь свое толкование «лучшего» и «худшего», если Вы не сделали этого ранее.

Уточнение понимания «лучшего» и «худшего». Наша точка зрения здесь – точка зрения интеллигента. Я считаю лучшим все то, что способствует обогащению и движению вперед человеческого разума, формированию «ноосферы» в смысле Вернадского, т. е. рационализации, обогащению, усилению мощи духа везде, его сопласованию. Мир был и остается далек от осознания этой цели как политической.

Поэтому в глубоком смысле слова я не могу считать лучшим или худшим победу каких-то групп, классов как таковых без учета высказанного критерия. С другой стороны, усиление могущества духа требует определенных социально-экономических условий и гарантий и оптимальной структуры власти, но каковы должны быть эти социально-политические условия – это еще большой вопрос и недостаточно обсужденный.

Во всяком случае, здесь нужны и формы стимуляции, и формы дисциплины, причем, может быть, в целом и более жесткой, сильной, чем та, что была где бы то ни было до сих пор. Сегодняшнее человечество в целом распущено, оно находится в состоянии подростка, рано пристрастившегося к выпивке, большим деньгам и мелким авантюрам, и оно не использует ресурсов духа хотя бы в малой степени. Энергия и силы подчинены задачам, далеким от духовности. Поэтому выдвижение в качестве главной и первоочередной цели «свободы» как таковой не может быть приемлемо.

Нужно было бы твердой рукой дисциплинировать человечество, заставив его, как ему ни лень это делать, направить свое внимание на развитие интеллектуальных, творческих качеств, и закрыть дорогу чисто властолюбивым стремлениям, стремлению к богатству и т. п. Еще можно допустить и поощрять деятельность, направленную на возделывание земли, на охрану природы, на получение максимума сельскохозяйственных продуктов, даже ценой некоторого развязывания стяжательских мотивов.

Если говорить о какой-то модели идеального общества, то это наиболее всего похоже на «Республику игру», изображенную Г. Гессе в «Игре в бисер». Но там это сделано недостаточно уверенно, с рядом ограничений.

Во всяком случае также не может быть приемлем идеал равенства, свободы для всех, без различия культурного уровня. Общество должно быть открытым, без наследственных кастовых делений, с облегчением всем талантливым людям возможностей развиваться, расти, чтобы была, по-видимому, и конкуренция способностей, но без какой-либо идеологической или национальной предвзятости или групповщины. В то же время, безотносительно к возможности применения талантов всем желающим должен быть открыт доступ к культуре, как можно больше сил и ресурсов должно быть помещено в сферы науки, образования, искусства и медицины.

Однако в конкретном смысле, имея в виду под «лучшим» либерализацию и демократизацию данного общества в отношении уже утвержденных и словесно признанных прав и свобод человека, в отношении свободы мысли, слова, научного и художественного творчества, в отношении формирования свободного общественного мнения по всем важнейшим вопросам, с целью принятия более обоснованных решений, в отношении выработки более правильной, зрелой и отвечающей общим интересам человечества внешней политики и т. п., можно сказать, что силы, заинтересованные в этом (лучшем), это:

а) часть интеллигенции, мыслящей, не коррумпированной аппаратом, преодолевшей в себе мещанско-стяжательский мотив (небольшая часть);

б) какая-то часть молодежи, студенчества;

в) возможно, часть высшего чиновничества и верхушка аппарата, не участвующего непосредственно в пользовании властью, но информированная (советники, эксперты, работники комитетов по науке и технике, ведущих научных институтов и т. п.), руководители некоторых министерств.

Силы, заинтересованные в сохранении статус-кво:

а) обширная средняя прослойка аппарата управления, партийного аппарата, руководители местной власти, те, кто сегодня руководит предприятиями, промышленностью;

б) еще более широкий слой урбанизирующегося крестьянства, вырвавшегося из деревни, наконец вкусившего городской жизни, бытового комфорта, свободного времени, далекого от политики.

«Худшее» — усиление тоталитаризма, военизации, контроля над мыслями, ограничение свободы творчества — в этом, вероятно, никто не заинтересован объективно, но по ходу событий такие тенденции могут поддерживаться частью аппарата и отсталыми слоями, жаждущими «твердой руки», «хозяина» и т. п.

16. Если Вы считаете вероятными существенные перемены в жизни данного общества в обозримый период, то какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, подтолкнут общество к этим переменам, какие — фактически их осуществят, какие — поддержат и закрепят? Каковы возможные конкретные формы их поведения?

(Этот и последующие вопросы уместны при любом указанном Вами общем направлении перемен, будь то к лучшему или к худшему).

На этот вопрос трудно ответить. Подтолкнуть могут случайные события. Но возможными инициаторами могут быть: молодежь, студенты, работники высшего звена, менее вероятно — интеллигенция через искусство и систему средств массовой информации; еще менее вероятно — рабочие, недовольные какими-либо установлениями, ограничениями, нехваткой продовольствия и т. п. Осуществить же перемены могут люди с новым типом сознания, откуда бы они ни вышли, т. е. люди, руководствующиеся ясной и бескорыстно преследуемой целью, может быть, не формализуемой во всех деталях, но интуитивно ощущаемой, примерно, в смысле максимально возможного гуманизма при стремлении к могуществу духа и при трезвом учете социально-политической реальности. Но, вероятно, большую роль здесь могут играть художественная интеллигенция, средства массовой информации.

17. Какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, станут активно противодействовать осуществлению ожидаемых Вами общественных изменений, какие – более или менее пассивно препятствовать этому? Вероятные конкретные формы их поведения?

Противодействовать активно могут, вероятно, наиболее консервативные работники аппарата, может быть, КГБ, военно-промышленный комплекс, но вероятнее, что никто не будет активно противодействовать, т. к. в России военные никогда не были наделены политическим смыслом и сами делать политику неспособны.

(16–17). Конкретные формы поведения тех и других.

Тех, кто подтолкнет:

– стихийные и непреднамеренные реакции на события типа Чехословакии, Ирана, Афганистана, повышения цен, реакции на события, связанные со сменой руководства (борьба за власть вверху), попытки найти опору в более или менее широких слоях у тех, кто хочет заполучить власть (заигрывание с интеллигенцией и массами);

Тех, кто осуществит:

– адаптация к новым формам.

Тех, кто вообще будет работать:

– выработка новых целей, задач, методов, форм действия и мысли;

Тех, кто противодействует:

– блокирование решений, действий, саботаж в аппарате.

18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?

Формы кристаллизации – все очень слабые, ничего сколько-нибудь обнадеживающего нет.

– Некоторое усиление религиозных настроений, из-за вакуума духовности в целом и желания найти более благообразный способ жизни и включения в общество, но в силу неготовности самой церкви принять и разбить эти настроения – это бесперспективно (пример – Польша).

– Значительное усиление национальных, автаркических стремлений будет идти и дальше, но радикально никаких проблем само по себе не решит (пример – Румыния).

– Усиление технократически-сциентистских настроений, формирование программ научного развития, социального планирования у профессиональных социологов, экономистов и т. п. очень бедно, скудно по охвату интересов и отделено от масс.

– Усиление настроений в отношении потребительства, свободы сексуальных связей, более свободный образ жизни – ничего не решит и легко сбивается на путь распушенности, алкоголизма.

– Усиление интеллектуально-художественных интересов, «книжный голод», кружки интеллигенции, семинары, новаторство в театре – очень полезно, но не

имеет никаких прямых контактов с практикой, скорее есть феномен «эскапизма» в духовность, а не созревание духовности для подготовки перемен.

В целом вкус к политическим проблемам отбит у людей и утрачен, это вроде бы «дурной вкус».

5. Время и ход перемен

20. Не могли бы Вы хотя бы приблизительно датировать начало предполагаемых Вами общественных изменений (пользуясь обозначениями типа: ближайше год-два, середина 1980-х гг., 1990-е гг. и т. п.)? Возможно, эти перемены уже начались?

Перемены подспудно идут, но медленно и неясно, куда.

Противоположные тенденции. Начало перемен – скорее всего в 1990-е г., в 1980-е будут лишь потрясения, но без реакций, т. к. никто не подготовлен к резким изменениям, ни у кого нет программы.

21. Понимая, что этот вопрос может вызвать затруднения, все же спросим:

– какая очередность (временная последовательность) конкретных перемен представляется Вам наиболее вероятной?

Наиболее **оправданной** очередностью было бы:

- изменение порядка выборов;
- расширение свободы высказываний в прессе, литературе;
- активные усилия для реализации экономической реформы по частям и постепенно;
- постепенное изменение внешней политики (меньше стремиться к контролю событий и нахождению союзников у слаборазвитых стран, и больше – к международному сотрудничеству в рамках ООН и сотрудничеству с США);
- перераспределение внутренних ресурсов с преимущественным вниманием к науке, технике, культуре, образованию;
- изменение порядка подбора кадров на руководящие должности...

Вероятная же последовательность скорее всего будет иной, но какой – сказать трудно.

Инициатива со стороны молодежи – даже на Западе – оказалась бесплодной.

Инициатива интеллектуалов и средств массовой информации – Чехословакия – бесплодно.

Инициатива технократов и высших руководителей у нас – бесплодно (Хрущев, Косыгин, не сумевший провести реформы).

Может быть, вероятнее: 1) расширение частного сектора в обслуживании и сельском хозяйстве; 2) расширение идеологической свободы; 3) ...?

Дикобраз
март 1980

* * *

С тех пор прошла почти четверть века. С высоты современного исторического опыта можно сказать, что Эльмар Соколов где-то ошибся в своем прогнозе, а в чем-то оказался провидцем. Он не «ждал» перемен, он их делал в своей сфере (гуманитарно-научного творчества и просвещения). При этом он несомненно обладал «мужеством додумывать до конца».

Литература

1. Ожидали ли перемен? (из материалов экспертного опроса рубежа 1970–1980-х гг.) // Сост. А.Н. Алексеев. Кн. 1–2. М., 1991.
2. А.Н. Алексеев. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том I. СПб.: Норма, 2003.

Избранная библиография трудов